

УДК 821.161.1.09-1+929

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-95-105

ЛИРО-ФИЛОСОФСКАЯ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ Б. ОКУДЖАВЫ

Иванов Е. Е.¹, Иванова Г. П.²

¹Московский международный университет

125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17, Российская Федерация

²Новосибирское высшее военное командное училище

630117, г. Новосибирск, ул. Иванова, д. 49, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обозначить происхождение доминантных философем в контексте всего творчества поэта и рассмотреть поэзию Б. Окуджавы как эстетико-философский феномен.

Процедура и методы. Для комплексного выявления художественно-философской целостности поэзии Б. Окуджавы выделены магистральные лейтмотивные линии в герменевтическом освещении.

Результаты. Впервые производится объяснение роли знака многоточия в заголовочно-финальном комплексе ряда стихотворений. Многоточие предворяет вербальный текст как метаэлемент и связывает отдельные стихотворения в общий многозначительный и многоплановый дискурс. Обозначены ирреалистические черты поэтики и мифопоэтики как детерминантные в построении авторского неомифа. Специфическое восприятие Кавказа в лирических сюжетах Б. Окуджавы и его «арбатский текст» солидаризированы в космогоническом ключе совместной трапезы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введённое понятие лиро-философской метатекстуальности позволяет производить литературоведческий анализ поэтических произведений в ракурсе жанрово-родовой конвергенции.

Ключевые слова: автоцитация, гнозис, идиостиль, ирреализм, лиро-философский, метатекст, мифопоэтика

LYRIC-PHILOSOPHICAL METATEXTUALITY IN THE POETRY OF B. OKUDZHAVA

E. Ivanov¹, G. Ivanova²

¹Moscow International University

prosp. Leningradsky 17, Moscow 125040, Russian Federation

²Novosibirsk Higher Military Command School

ul. Ivanova 49, Novosibirsk 630117, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the origin of dominant philosophems in the context of the poet's entire work and to consider the poetry of B. Okudzhava as an aesthetic and philosophical phenomenon.

Methodology. For a comprehensive identification of the artistic and philosophical integrity of B. Okudzhava's poetry, the main leitmotif lines in hermeneutical perspective are highlighted.

Results. For the first time, the role of the ellipsis sign in the title-final complex of a number of poems is explained. The ellipsis precedes the verbal text as a meta element and links individual poems into a general meaningful and multifaceted discourse. The authors identify the unrealistic features of poetics and mythopoetics as determinant in the construction of the author's neo-myth. The specific perception of the Caucasus in the lyrical plots of B. Okudzhava and his "Arbat text" are aligned in the cosmogonic key of a joint meal.

Research implications. The introduced concept of lyric-philosophical metatextuality allows to conduct literary analysis of poetic works from the perspective of genre-generic convergence.

Keywords: autocitation, gnosis, idiostyle, unrealism, lyric-philosophical, mythopoetics, metatext

Введение

«О, философичен шансонье Окуджавы» [3, с. 38], – восхищаясь Б. Окуджавой, Г. Гачев сравнивает его с А. Пушкиным: «... ум высокий можно скрыть / Безумной шалости под лёгким покрывалом»¹. В наследии Б. Окуджавы присутствуют произведения как стихотворные, так и прозаические, но для ответа на вопрос самого автора – «в чём философия была?» («Собрался к маме – умерла») возьмём за установку утверждение С. С. Аверинцева «стих выбран для рассуждения, именно стих, просто потому, что в нём концентрированнее и осязаемее присутствует то начало, без которого невозможна, конечно, и проза...» [1].

Поэтическое творчество как единое художественное послание

В инструментальном отношении мы опираемся на концепцию А. В. Радионовой, в которой лиро-философский метатекст обозначен как «сверхтекстовое образование, в котором поэты в поэтической форме рассматривают вопросы бытия, человеческих ценностей, искусства» [11, с. 19]. За неимением в литературоведении термина, который позволил бы обобщить диффузно распределённые лиро-философские метатексты в поэзии Б. Окуджавы, для интеграции элементов философского дискурса мы используем термин *метатекстуальность*. Перенос понятия «текст о тексте» из теории метатекстуальности и практики анализа прозы мы находим возможным потому, что зачастую писатель и поэт как одно и то же лицо сам стремится к авторефлексивному соединению литературного материала, доказательством чему служит ряд лирических стихотворений Б. Окуджавы, например, «Я пишу исторический роман», «Пишу роман. Тетрадка в клеточку...». В одних он обсуждает писательскую «кухню» – использование художественной детали и актуализацию прошлого в произведении («Римская им-

перия времени упадка...», «Читаю мемуары разных лиц...»), в других сосредоточен на процессе создания романа («Работа») и автобиографичности («Прогулки фрайеров»), в третьих взволнован проблемой сюжетности («Я горой за сюжетную прозу...»). А в «Прощайте, стихи, ваши строки и ваши намеки, и струны...» лирический герой ставит сущностный вопрос: «кто знает – что проза такое? Кто знает, что значит стихи?»².

Поэзия Б. Окуджавы полна недоговорённости, загадок и многоточий. Для дешифровки его текстов требуется метатекстуальный подход, сравнение и интерпретация стихотворений в контексте всего творчества поэта. Лиро-философская метатекстуальность – это объединение онто-бытийных компонентов в поэтическом мире как интенции, маркированной «автоаллюзиями писателя к собственным текстам» [9, с. 1361]. Так, стихотворение «Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?» отсылает к «Старинной студенческой песне»; а слова «до свидания, девочки! Выбора нет! Постарайтесь вернуться назад!»³ («Сладкое бремя, глядишь, обернётся копейкою...») – автоцитация «До свидания, мальчики»; строки «Новогодняя ель – на помойке. / Ни надежд, ни судьбы, ни любви»⁴ («Мне не нравится мой силуэт...») напоминает о «Прощании с новогодней ёлкой», а в «Калифорния в цвету. Белый храм в зелёном парке...» читаем: «Я уже писал о том, как объятья наши жарки / от предчувствия разлуки. Ничего, что повторюсь»⁵.

Но это атрибутированные автором повторы. В поэзии Б. Окуджавы наличествует пласт неочевидных смысловых структур, рассеянных по всему корпусу поэтических текстов, и ряд отдельных загадочных стихотворений, которые требуют «медленного чтения», герменевтических усилий в поиске раскрывающего их авторского ключа.

² Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 460.

³ Там же. С. 504.

⁴ Там же. С. 478.

⁵ Там же. С. 478.

¹ Пушкин А. С. К Каверину // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. 1813–1820. Л.: Наука, 1977. С. 211.

Многоточие и автоцитация в функции смысловых скреп

Разбор лиро-философской метатекстуальности позволяет охватить движение авторской мысли как идиостилевой феномен. В этом плане сразу привлекает необычный приём, когда стихотворение начинается с многоточий, которые качественно отличаются от многоточия в конце стихотворений, как в «Красных цветах», где его функционал не превышает общепотребимого значения этого знака как «открытого финала». Лирические тексты как выплески индивидуализированного эмоционального состояния с помощью многоточия в начале индексируют связь со сферой уже вышедших в свет стихотворений, знак многоточия фиксирует звенья дискретного процесса творческого осознания мира, выводит личное в обобщённо значимое, объективирует эмоциональный план авторского субъекта и абстрагирует конкретно выраженные чувства в стихах. Как модус текста он переводит лирическое начало в повествовательное, являясь фактором авторской стратегии, которая у Б. Окуджавы заключается в том, чтобы заинтриговать читателя, вывести его из автоматического восприятия вещей.

Иллюстрацией такого расширения поэтического текста и сближения его с прозаическим служит, например, начало стихотворения «Летний сад»: «...Это было тогда»¹. Здесь синтетический знак многоточия можно отнести к заголовочному комплексу, интерпретируя его семиотическую роль не только в контексте уже написанных стихотворений Б. Окуджавы, но и к топосу «Летнего сада» как части «петербургского текста» в русской культуре. Стихотворение «Арбатский дворик» начинается элегической строкой «...А годы проходят, как песни»², которое включает данное стихотворение прежде всего в окказиональный «арбатский текст» Б. Окуджавы, ставший его «фирменным знаком». Многоточие в

«...И когда удивительно близко...» и в «...Вот я добираюсь...» индексирует инвариант «дороги», которая у Б. Окуджавы всегда реализуется как лиро-философский метатекст с коннотациями жизненного пути, становления и познания мира, а также, как миссия творца в фокусе его «Предназначенья». Многоточие, таким образом, позиционируется не только метатекстуальным ингредиентом, но и философской составляющей авторской мысли, является идеографическим знаком. В стихотворении «...И когда под вечер над тобою...» («Ситцевые женщины») многоточие в сильной позиции начала служит композиционной организации этого текста, который заканчивается строками: «Я – алхимик. / Ты – моя проблема / вечная... / Тебя не разрешить»³, – в котором смысловой доминантой является слово «вечная...» в сочетании с семантически нагруженным многоточием, повторяющим начало и усиливающим значение «вечных вопросов», постановкой которых занимаются философы.

В некоторых случаях автоцитации проявляются в форме нового взгляда на уже воплощённую в культуре идею. Так, выражение из Евангелия: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх того, то от “лукавого” воспроизводится в двух текстах «Есть “да” и “нет”» и «В земные страсти вовлечённый...» (Матф. 5: 37). В последнем максимализм и категоричность утверждения смягчаются более значимой для автора логикой – «Надежда есть»⁴. «Надежда» – центральный элемент лейтмотива «Вера, Надежда, Любовь», который восходит к археосюжету о Софии-премудрой, дочерьми которой являются эти три сестры-мученицы. В авторском неомифе Б. Окуджавы она устраняет проблему непримиримости противоречий («да» и «нет») на новом диалектическом уровне. «Надежда» в конце стихотворения «В земные страсти вовлечённый...» есть «неуверенная медиация между полю-

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 171.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 487.

сами» [4, с. 457] в невозможности аннигилировать зло.

В стихотворении «Голубой человек» отразился гностический миф о временном пленении души телом, которая после смерти возвращается «домой». У Б. Окуджавы часто возникает диалог между фигурой говорящего, который в данной условной ситуации задаёт вопросы в маске обывателя, филистера, пребывающего в неверном свете иллюзорной кажимости обыденного мира, и персонализированным Духом, который здесь представлен бескомпромиссным «голубым человеком» в его стремлении достичь неба – истинного «дома». «Голубой человек» – «Я» как «Иной» в сказовой маскировке маргинального бездомного. В теософском воззрении ментальное тело человека обладает собственной невидимой формой. Изолированность Духа от физического тела обусловлена его стремлением выбраться из оков земного существования. Поэтому «Голубой человек» пренебрежительно отмахивается от праздных вопросов лирического субъекта как низшего существа в медиативно-отчуждающем модусе «Вы»: «Не порите ерунды!»¹. Интерсубъектная позиция Автора-творца направлена не к диалогу со своим небесным визави (это невозможно), а к идеальному читателю, умеющему воспринимать художественные коды литературы индивидуально-творческой эпохи. В стихотворении «Тьмой здесь всё занавешено...» антуражная «тьма» есть «тьма вещей» сиюминутной жизни, скрывающей параллельный видимой тьме свет, из которого иногда проявляется гностическая София-премудрая в её эманации Вечной женственности – «Ваше величество женщина». Вопросы к божественной персоне – риторические («Кто вы такая? Откуда вы?»)², их функция в том, чтобы продемонстрировать доступность Иного. Вездесущность Иного и имманентный порядок в кажущемся хаосе транслирует и стихотворение «А вот Резо – король марионеток...»: «И нами управляет Провиденье, / хоть ниточек и скрыта череда...»³.

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 308.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 519.

Ирреалистические элементы в лирике Б. Окуджавы

Художественная картина мира Б. Окуджавы складывается из следующих констант: душа, символизированная образом «розы», «огня», «крыльев», и дух в символике «креста», «земли и неба», «тьмы и света», метафизический принцип «вечного возвращения» и контрастная упорядоченность мироустройства «Провиденьем». Особое место и в кругозоре лирического героя, и в образе автора-творца занимает ирреалистическое представление о том, что невидимый мир великих поэтов соприсутствует с повседневностью, что «утраченный рай» далёкого прошлого (культурно-исторического) и недалёкого (арбатское детство поэта) чудесным образом оживают в лирических сюжетах и бытийных ситуациях, задействующих лиро-философские метатексты. К ирреализму поэзии Б. Окуджавы относятся и энигматические произведения, предполагающие рецепцию разгадывания, и произведения «парадигмы невыразимого (общей для русского лиро-философского метатекста)» [11, с. 32], в которых видимый мир чреват тайнами и загадками, и основная задача художника – «разгадать не жизни цель, а свет предназначенья!»⁴ («История, перечень ей – не перечень...»). «Возможные миры» ирреализма охватывают интуитивно-эйдетическое поле сознания, приближая сферу неочевидных смысловых структур, которые организуются в поэтику дионисийского типа с её таинственной природой, мерцающей аллюзиями и неизвестностью. Это пограничный поэтологический феномен, морфология и способы действия которого лежат между реализмом, постулирующим правдоподобие и мимезис, с одной стороны, с другой – он не совпадает с фантастической, основу которой составляют обнажённый вымысел, фантазия, сказочность.

К текстам о трансцендентном, «невыразимом» относятся «Ночной разговор», «Песенка о присяге», «На странную музыку сумрак горазд...», «Песенка о моей

⁴ Там же. С. 512.

душе», «Мой почталъон», «Подмосковье», «Всё поле взглядом невзначай окинь...».

В «Ночном разговоре» романтический всадник на прагматический вопрос о цели его столетних поисков «отвечает: /- Ах, если б я знал это сам...»¹, поскольку в иллюзионистском воззрении жизненные цели могут быть ложными, не совпадать с истинным предназначением человека в этой жизни. В метатекстуальном разрезе ответ можно отыскать в стихотворении «История, перечь ей - не перечь...», которое заканчивается пафосной фразой: «Да здравствует, кто сможет разгадать / не жизни цель, а свет предназначенья!», манифестирующей «просто движенье»² из другого текста («Умереть - тоже надо уметь...»). Лирический герой сообщает: «ищу золотое зерно». («Мне нравится то, что в отдельном...»³). Совокупный семиотический объём разрозненных загадок приводит к алхимическому поиску философского камня, смысл которого невозможно выразить тривиальным способом, поэтому сам процесс и есть ценность, по сути своей эзотерическая, постигаемая высокой интуицией в инсайте или «случайно», «невзначай», как это характерно для речи лирического героя.

В гностической парадигме человеку, пребывающему в иллюзионизме эго, закрыто понимание его миссии земной жизни, это понимание даётся в «пути» к просветлению, в лексеме «дорога». «Свет предназначенья» разгадывал у Б. Окуджавы и Циолковский, и декабристы, и поэты, с которыми он ведёт нерезервированный диалог.

Они проявляются из вечности и составляют компанию лирическому герою в его творческом и философском одиночестве. На эту тему у Б. Окуджавы немало стихотворений. Начало было положено поэмой «Весна в октябре» о научном энтузиазме пионера космонавтики Циолковского. В стихотворении «Зной»: «Выхожу я на ули-

цу / и вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот / извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается... / Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдёт»⁴. В «Песенке о Моцарте» музыкант предстаёт философом с жестом мыслителя (ладони на лбу), к которому обращается лирический герой. Лейтмотив «музыка» у Б. Окуджавы – это музыка сфер. По мнению М. В. Яковлева, музыкальные «созвучия», синтезированные в поэзии, выражают «иррациональное чувство ноуменального единства мира» и являются «формой духовного гнозиса» [15, с. 180].

Инвариантная «субъектно-бытийная ситуация» (А. В. Радионова), свойственная поэзии Б. Окуджавы, интуитивно прочитывается и понимается в символическо-парадоксальном коде: «любая вещь, любая реалья посястороннего мира и земной жизни есть знак, т. е. часть универсального языка, в той мере, в какой она представляет “мировой текст” космоса» [14, с. 8]. В «Песенке о присяге» («И только где-нибудь потом, случайно кто-нибудь в пути / слова присяги этой найдёт в моей груди»⁵), судя по всему, речь идёт о сотворческой рецепции Слова Автора идеальным читателем-слушателем. Загадка заключена в диминутиве «песенка», и можно предположить о влиянии «Эха» А. Пушкина, где Автор является медиатором между природой и читателем.

В стихотворении «На странную музыку сумрак горзд...» гетерологически нарушено представление о пространственной локации лирического героя, потому что автор не оговаривает ирреалистическое наличие внутреннего помещения во внешнем экзистансе. Лирический герой репрезентирован и как человек в обычном понимании этого слова в паре «я и мой дом», и как внутренний человек (душа), который метафоризирован в «доме» как плюралистичном я, на что указывает множественное число предикатов «страдают ... стонут и плачут»:

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 233.

² Там же. С. 295.

³ Там же. С. 461.

⁴ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 283.

⁵ Там же. С. 153.

Там дальние кто-то страдают во тьме
за дверью глухой, призывая на помощь.
Там чьей-то слезой затуманенный взор,
которого ветви уже не упрячут...
И дверь распахну я и брошусь во двор:
а это в дому моём стонут и плачут¹.

«Дальние кто-то» – разрозненные и незнакомые друг с другом существа-сознания в оболочке человека, обманчиво идентифицирующего себя целостно как личность. В ирреалистическом хронотопе Б. Окуджавы креативной трансформации подвергается не только «дом», но и «город»: «город, но не тот, в котором я живу, / а который громоздится во мне»². Эготизм человека облачается в метафору «города», играющего роль ангела-хранителя. Это стихотворение – завуалированный самоотчёт в виде философского метажанра. Вообще, лирический герой Б. Окуджавы обладает невысокомерным достоинством, и частотные диминутивы в его тезаурусе («песенки», «мальчишка», «часики», «человечек» и др.) всегда подразумевают тварную перспективу микрокосм / макрокосм, а не обыденное самоуничижение.

В стихотворении «Молитва (Пока Земля ещё вертится...)» лирический герой говорит: «Не ведая, что творим»³. В «Песенке о моей душе» и в «Моём почтальоне» лирический герой предлагает себя в ограниченной наличной жизнью субъектности, не ведающей вполне об истинном смысле своего существования как части макрокосма. Ложное я рассматривается отдельно от вечной души, которая в образе «человека задумчивого» и молчаливого посланника из Иного пытается своим присутствием не дать забыть о высоком «Предназначении» «каждого»⁴. «Мой почтальон» транслирует кафкианский образ alter ego Автора. Его странное поведение в лирическом сюжете не мотивировано: «пишем ко мне не приносит, а только молчит. / Топчется

в тёмной прихожей в молчании строгом». Возможно, он инфернальный посланник с напоминанием «помни о смерти» как сквозной темы у Б. Окуджавы, хотя не произносит ни слова. Молчаливость и недиалог с посланником потустороннего мира объясняется нуминозно-тварным способом общения с существами высшего порядка. «Нуминозное – это первородное чувство божественного, дорелигиозное. Оно подразумевает восхищение и оторопь перед творением, “совершенно иное” эмпирическому миру, непостижимое, но в связке с идеей “тварности”, включающее человека в себя как часть в целое» [5, с. 55].

В стихотворном цикле «Подмосковье. 4-6» душа иносказательно предстаёт в образе невидимого «учителя»⁵, который в гармоничной атмосфере единения с природой может наделить «счастьем, которому имени нет»⁶.

В стихотворении «Горит пламя, не чадит...» возникает вопрос: кто «она»? Судьба, душа? Сполохи огня изоморфны хиастической конструкции «Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...» в сильной позиции финала стихотворения «Заезжий музыкант целуется с трубой...»⁷, которая, по мнению А. В. Радионовой, один из признаков лиро-философского метатекста на уровне текстовых структур, а субстанция огня у Б. Окуджавы зороастрийски знаменует субстанцию души. В нелинейном подходе к творчеству поэта и то и другое предположение имеет право на существование.

Стихотворение «Есть муки у огня...» заставляет задуматься, что подразумевается под «разлукой», парадоксально связывающей «нас». Вероятно, это речь идёт не только о возможной возлюбленной, но и о некоей эзотерической связи, как в «Голубом человеке» и в стихотворении «Тьмою здесь всё занавешено...» с вечным «домом», куда душа возвращается после смерти и куда просветлённый дух визионера безотчётно стремится и в земной жизни, как всадник из «Ночного разговора».

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 473.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 283.

⁷ Там же. С. 340.

Кавказ и Арбат в топосах авторского неомифа

Шеллинг писал, что «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию»¹. Лиро-философская метатекстуальность Б. Окуджавы построена на авторском мифе, который имеет двусоставную природу. В нём сосуществуют две генетические сферы: родовая (кавказские корни поэта) и мира детства в «арбатском тексте» («утраченный рай»). Образы синкретического единства, поэтологически они образованы разными способами.

«Мало кто из российских поэтов не оставил цикла стихотворений о Кавказе, и они, как правило, были одними из лучших в их поэтическом творчестве» [1, с. 21]. Это объясняется тем, что Кавказ – это «окно» на Восток, в Другое Западному миру, и эта восточная «прививка» развивает русскую культуру как синтетический культурный феномен, который так или иначе взаимодействует с западной рецепцией Востока, которая, в отличие от русской, непосредственная и неэкзистенциальная. Представления о Восточном Логосе приходят на Запад в переводах в основном как ориентально-экзотические. Поэтому особенно ценно, когда восточный мир транслируется художником, идентифицирующим себя не только по происхождению, но и антропологично «жителем земли». Задушевность Б. Окуджавы заложена в его восточных корнях, а масштабная интенция «человека мира» вписывается в исконную транскультуральную традицию русской литературы и её «всемирную отзывчивость» от А. Пушкина до А. Блока.

Родина предков Б. Окуджавы предстаёт в идиллическом свете, который достигается путём «мифологической реставрации, направленной на воспроизведение, рецептацию общих закономерностей, схем, эпизодов не некоторого архаического мифа, проактуализированного в своей конкрети-

ке, а общего указания на миф как вместилище архетипов» [10, с. 29]. Здесь репрезентированы соборно-народные («Каравай») и крестьянско-охотничьи («Фрески») картины. При этом архаические мотивы необязательно олицетворяют только древнейшие преперсональные представления о мире. Так, в «Вобле» пралогическое мышление совмещает «равнодушие» войны, мистериально-христианские мотивы («спасение», «земля обетованная») и убийство отрубанием головы («плаха»), потому что «действие еды есть одновременно и жертвоприношение» [13, с. 56].

Арбатская локация лирического героя «соотносима с соответствующими теориями мифологического мышления как партиципационного (путь мифологических аналогий)» [10, с. 29]. В ней ставится проблема циклизации времени, в которой городской модус существования человека связан с самостно-интеллектуальной деятельностью, идеалами которой выступают классики русской литературы. Соединение городской и патриархальной модели в неомифе эксплицирует такой важный компонент архаического мировосприятия, как совместное принятие пищи. В арбатском сюжете вид ритуальной обрядности принимает чаепитие во дворе, а в стихотворениях и поэмах о быте кавказских жителей преобладает архаика еды как жертвоприношения. «Еда – центральный акт в жизни общества – осмысливается космогонически; в акте еды космос (= тотем, общество) исчезает и появляется» [13, с. 64].

После А. Пушкина «было уже невозможно писать о Кавказе не по личным впечатлениям» [2, с. 68]. Отличительной особенностью окуджавского Кавказа является его неолитературность. Герой как бы забывает богатую кавказскую традицию комплиментарно-сочувственного изображения Кавказа как восточной экзотики. В «Грузинской песне», например, плывущие «наяву Белый буйвол, и синий орёл, и форель золотая» одновременно и образы древнего бриколажа, и сюрреалистическая эстетика в стиле С. Дали, контаминированные в результате настройки

¹ Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 147.

сознания «по принципу мифической отрешённости» [8, с. 1119].

Начатое как лаконичная справка «Храмули» («Храмули – серая рыбка с белым брюшком») заканчивается возвышенным пафосом: «Её не едят, а смакуют в вечерней тиши, / как будто беседуют с ней о спасенье души»¹.

В раблезианско-вакхической очищающей атмосфере «Руиспири» с ирреалистически трансформированным хронотопом («Вся земля – между небом и мною ... Но отсюда, как бог, я гляжу на себя самого с высоты»²) происходит излечение от городской жизни. Как пишет О. М. Фрейденберг, «еда получает семантику космогоническую, смерти и обновления вселенной, а с ней и каждого человека в отдельности» [13, с. 64]. «Сердце, душа» подаётся в кулинарно-хирургической метафорике: «Он в ладонь моё сердце берёт, / он берёт мою душу, / как врач, осторожно... Сыплет зелень на сердце моё / и на душу, с лихвою»³.

Поскольку «человеческое восприятие мира изначально двойственно – и натурально и ирреалистично» [7, с. 124], в неомифе Б. Окуджавы городская навь не противопоставляется яви патриархального существования. Эти сферы в синхронии современного мира и пути повествующего Я соседствуют по принципу энантиодромии («бег навстречу»), а противопоставление осуществляется во временной системе координат: время – вечность. На диахронном уровне – культура прошлого (Ренессанс и Золотой век) и оскудевший в нравственном отношении городской быт современности, на малом круге исторического времени – московские нравы середины XX в. и Москва перестроечная. Утраченными идеалами предстают рыцарство, культ Прекрасной дамы, дворянский кодекс чести, открытость людей друг другу, задушевность общения.

В философии Б. Окуджавы мир видится панорамой феноменов (музыка, огонь, человек и т. д.), которые требуют внима-

ния и осмысления. Конвергенцию лирики, эпики и философии в «образах лирика» описал Ф. Ницше как «истинно существе и вечное, покоящееся в основе вещей Я, сквозь отображение которого взор лирического гения проникает в основу вещей»⁴. Особенностью адресации лирического героя в том, что вопросы, которые он задаёт Высшим силам, не диалогической и не дискурсивной природы. Эти вопросы обращены исключительно к идеальному читателю, который способен остановиться и в повседневности разглядеть Иное. Ещё Кантемир, который перевёл книгу Фонтенеля «Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля, Парижской академии наук секретаря» и сделал к ней предисловие и примечания, писал: «если бы мы всё то, что видимъ, совершенно видѣли, то уже то знали бы, да лихо мы все инакъ видимъ, нежели въ самомъ дѣлѣ есть»⁵. Лирический герой Б. Окуджавы не претендует на истину в последней инстанции. Лиро-философская метатекстуальность как синтез матричных форм познания мира, реализованная в философском эстетизме поэтического слова, нацелена у него на нуминозное постижение «врождённой символики врождённых идей»⁶.

«Когда бы я был поэтом... Но я всего стихотворец»⁷, – скромно номинируя себя в «Подмосковной фантазии», лирический герой на самом деле не отказывается от визионерской роли посредника между «небом и землёй»: «И что-то есть, наверное, во мне / от старого глехо и от Сократа»¹⁸ («На

⁴ Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизма и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 74.

⁵ Кн. А. Д. Кантемиръ. Разговоры о множествѣ мировъ господина Фонтенелла, парижской академій секретаря, съ французскаго перевелъ и потребными примѣчаниями изъяснилъ Князь Антиохъ Кантемиръ въ Москвѣ 1730 году [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/f/fontenelx_b_1/text_1730_razgovory_o_mnozhestve_mirovoldorfo.shtml (дата обращения: 23.01.2023).

⁶ Гейне Г. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 5. М.: Л., 1939–1949. С. 249.

⁷ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 436.

⁸ Там же. С. 436.

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 240.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 291.

полотне у Аллы Беляковой»). За «модальностью» [4, с. 457] (в терминологии «поэтики выразительности» А. К. Жолковского) субъектной позиции его героев стоит прежде всего зашифрованное обращение к читателю подвергать сомнению обманчивую реальность, не торопиться с выводами в восприятии ненадёжного положения вещей в феноменальном мире.

Заключение

Подведём итог проделанному исследованию. Феноменология лиро-философской метатекстуальности поэзии Б. Окуджавы осмыслена через категорию нуминозного, которая объединяет философы разного происхождения в единое художественное послание. Разграничены лиро-философские метатексты «жизненная цель» и миссия «Предназначенья», данная свыше, в связи с чем образы Циолковского, декабристов и классиков предстают в ракурсе вечности. Выделена медиативная функция образа «Надежды» в контрастной противоречивости бытия. Отдельно разобраны автоаллюзии автора к собственным текстам. Смысловые инварианты в текстах стихотворений рассмотрены в их единстве как предмет интерпретации философского компонента в художественной картине мира и идиостиля поэта. Определена роль гностического элемента в формировании героини сферы как множественного я, персонализированного в посланниках трансцендентного Иного («Почтальон», «Тьмой здесь все занавешено...», «Голубой человек»). Подчёркивается иллюзионистский

вектор в самосознании повествующего я, который в стилевом отношении интерпретируется в эстетике ирреализма. Разведены формы адресации вопросов лирического героя на имплицитно направленных к читателю и вопросов, смысл которых не предполагает ответа «здесь и сейчас», т. к. их адресат находится вне досягаемости человека. Трактуются энигматические произведения со сложной интересубъектной структурой.

Художественная философия Б. Окуджавы не лежит на поверхности. Мы затронули только некоторые аспекты этой проблемы. Окуджавский лирический герой многоипостасен, он помнит о своих кавказских корнях, он воспекает столицу России Москву («арбатский текст») и он «человек мира, житель планеты» [6, с. 341]. Кажущаяся простота его стихов скрывает полиреальность художественной картины мира, в основе которой лежит связь с предками, знание жизни от участия в войне до проверки на духовную прочность славой эстрадного исполнителя, глубокая филологическая осведомлённость, философская отрешённость и большой круг друзей в среде интеллектуалов. При герменевтически внимательном отношении к его «песенкам» и другим произведениям открывается совсем не шуточная глубина творческой мысли и открытости реальной жизни, которые в своей обобщённости обретают форму Логоса и художественного послания, понимание которого доступно каждому.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Ритм как теодицея [Электронный ресурс] // Новый мир. 2001. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/2/ritm-kak-teodiczeja.html (дата обращения: 22.02.2023).
2. Аринштейн Л. Кавказ в русской поэтической традиции в связи с творчеством Пушкина // Aleksandr Puskin und der Kaukasus. Literatur. Geschichte. Bilder: University of Bamberg Press Bamberg, 2018. С. 61–71.
3. Гачев Г. Д. Склад Окуджавы и склад его песни // Миры Булата Окуджавы: материалы III международной научной конференции, Перedelкино, 18–20 марта 2005 г. М.: Соль, 2007. С. 32–40.
4. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛЮ, 2011. 608 с.
5. Иванов Е. Е. Нуминозное в прозе Г. Газданова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. Серия: Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 54–59.

6. Иванов Е. Е. Эманация «мысли народной» Л. Толстого в творчестве Б. Окуджавы // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 338–347.
7. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Языки славянской культуры, 2021. 696 с.
9. Осьмухина О. Ю., Марьюшкина А. П. Метароман vs метатекст: дискуссионный аспект изучения прозы В. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1359–1363.
10. Погребная Я. В. Пути и принципы ремифологизации литературы в XX–XXI веках // Миф в истории, политике, культуре. 2019. № 2. С. 28–30.
11. Радионова А. В. Лиро-философский метатекст в русской литературе. Смоленск, Смоленский университет, 2019. 412 с.
12. Сиземская И. Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца». М.: ИФРАН, 2007. 340 с.
13. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
14. Ханзен-Леве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм начала века: Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
15. Яковлев М. В. Поэтическая музыка и мистика как формы духовного гнозиса // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XVII международной научной конференции, Орехово-Зуево, 17–19 мая 2017 г. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2017. С. 179–180.

REFERENCES

1. Averincev S. S. [Rhythm as a Theodicy]. In: *Novyj mir* [New World], 2001, no. 2. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/2/ritm-kak-teodiczey.html (accessed: 22.02.2023).
2. Arinshtejn L. [The Caucasus in the Russian Poetic Tradition in Connection with the Work of Pushkin]. In: *Aleksandr Puskin und der Kaukasus. Literatur. Geschichte. Bilder*, University of Bamberg Press Bamberg Publ., 2018, pp. 61–71.
3. Gachev G. D. [Okudzhava's Warehouse and the Warehouse of His Song]. In: *Miry Bulata Okudzhavy: materialy III mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Peredelkino, 18–20 marta 2005 g.* [Worlds of Bulat Okudzhava: Materials of the III International Scientific Conference, Peredelkino, March 18–20, 2005]. Moscow, Sol' Publ., 2007, pp. 32–40.
4. Zholkovsky A. K. *Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* [Pasternak's Poetics: Invariants, Structures, Intertexts]. Moscow, NLO Publ., 2011. 608 p.
5. Ivanov E. E. [Numinous in the Prose by G. Gazdanov]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarnotekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya, lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Vestnik of State University of Humanities and Technology. Series: Philology, Linguistics and Intercultural Communication], 2021, no. 1, pp. 54–59.
6. Ivanov E. E. [Emanation of L. Tolstoy's "Folk Thought" in the Works of B. Okudzhava]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 338–347.
7. Kompanyon A. *Demon teorii. Literatura i zdravyy smysl* [Demon Theory. Literature and Common Sense]. Moscow, im. Sabashnikovyh Publ., 2001. 336 p.
8. Losev A. F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa»* [Dialectics of Myth. Addition to "Dialectics of Myth"]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2021. 696 p.
9. Os'muhina O. Yu., Maryushkina A. P. [Metaroman vs Metatext: A Contentious Aspect of Studying]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2022, vol. 15, iss. 5, pp. 1359–1363.
10. Pogrebnyaya Ya. V. [The Ways and Principles of the Revival of Myth in Literature in the 20th and 21st Centuries]. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture], 2019, no. 2, pp. 28–30.
11. Radionova A. V. *Liro-filosofskij metatekst v russkoj literature* [Lyric-Philosophical Metatext in Russian Literature]. Smolensk, Smolensk, Smolensk University Publ., 2019. 412 p.
12. Sizemskaya I. N. *Russkaya filosofiya i liricheskaya poeziya: "soglasie uma i serdca"* [Russian Philosophy and Lyric Poetry: "Harmony of Mind and Heart"]. Moscow, IFRAN Publ., 2007. 340 p.
13. Frejdenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p.

14. Hanzen-Leve A. *Russkij simvolizm: Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeticheskij simvolizm nachala veka: Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism: System of Poetic Motifs: Mythopoetic Symbolism of the Beginning of the Century: Cosmic Symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003. 816 p.
15. Yakovlev M. V. [Poetic Music and Mysticism as Forms of Spiritual Gnosis]. In: *Yazyk i myshlenie: psichologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XVII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Orekhovo-Zuevo, 17–19 maya 2017 g.* [Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects: Materials of the XVII International Scientific Conference, Orekhovo-Zuevo, May 17–19, 2017]. Orekhovo-Zuevo, State University of Humanities and Technology Publ., 2017, pp. 179–180.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Евгений Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Московского международного университета;
e-mail: ayaom@list.ru

Иванова Галина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Новосибирского высшего военного командного училища;
e-mail: tervhen66@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy E. Ivanov – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow International University;
e-mail: ayaom@list.ru

Galina P. Ivanova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Novosibirsk Higher Military Command School;
e-mail: tervhen66@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванов Е. Е., Иванова Г. П. Лиро-философская метатекстуальность в поэзии Б. Окуджавы // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 95–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-95-105

FOR CITATION

Ivanov E. E., Ivanova G. P. Lyric-Philosophical Metatextuality in the Poetry of B. Okudzhava. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 95–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-95-105